

Key words: history, representation, philosophy of history, narrative.

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь, SPIN-код: 3657-9312, e-mail: potamskaya.v@yandex.ru.

About the author:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna - candidate of philosophical sciences, associate professor of the department of media technologies and public relations of the Tver State Technical University, Tver, SPIN-code: 3657-9312, e-mail: potamskaya.v@yandex.ru

УДК 930.1; 1(091)

ПРОБЛЕМА УТОПИИ В РАБОТАХ И. БЕРЛИНА

В.П. Потамская

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Потамская В.П., 2022

DOI 10.46573/2409-1391-2022-3-16-22

Аннотация. В контексте обсуждения монизма, свойственного западной философии, Берлин обращался к утопическому идеалу, принимавшего различные социальные и политические формы. Он отмечал, что все утопии, составляющие западное философское наследие, объединяют сходные элементы: представление об идеальном гармоничном статичном обществе, приписывание всем людей неизменной природы, определенной универсальными, общепринятыми целями, которые были полностью реализованы. Одним из общих предположений большинства западных мыслителей, как отмечает Берлин, является предположение, что истинные ответы представляют собой сокрытое сокровище, а единственная проблема состоит в том, чтобы обнаружить к нему путь и создать общество истины, добродетели и счастья. Берлин подчеркивал, что сама по себе вера в возможность осуществления высшей гармонии ошибочна, а понятие совершенного общества и идеального состояния не только неосуществимо, но и непоследовательно, поскольку человеческие ценности не могут не противоречить друг другу.

Ключевые слова: история, интеллектуальная история, утопия, монизм, плюрализм

Исайя Берлин – английский философ, историк идей, один из основателей современной либеральной политической философии. В определенном смысле Берлина можно считать наследником англо-американской аналитической традиции, которая, в толковании Б. Уильямса, представляет собой сложившийся стиль мышления, характеризующийся последовательной аргументацией и относительно ясным языком [3, с. 171]. При этом, по словам Д. Грея, Берлин привносил в британское наследие русские и еврейские подтексты: достоинство, умеренность, сомнения и чувство трагедии [10]. В представлении Берлина, интеллектуальная история является историей

изменения и смены моделей человеческого развития, «в понятиях которых осмысливалось прошлое тех художественных, богословских, механических, биологических или психологических моделей, которые отражаются в области исследования, в постановке новых вопросов и использовании новых методик для ответа на вопросы, кажущиеся более интересными или существенными чем те, что уже отжили свое» [2, с. 82].

В контексте обсуждения монизма, свойственного западной философии, он обращался к проблеме утопии (изображение идеального общественного строя либо в якобы уже существовавшей или существующей где-то стране, либо как проекта социальных преобразований, ведущих к его воплощению в жизнь [5]). Хотя идея совершенного общества очень стара и восходит к эпохе античности, все утопии, составляющие западное философское наследие, объединяют сходные элементы: 1) представление об обществе, находящемся в состоянии чистой гармонии, где все люди «живут в мире, любят друг друга, свободны от физической опасности, от зла, от фрустрации, от унижающей достоинства работы, не испытывают несправедливости или жестокости, обитают в ровном освещении, в умеренном климате, среди бесконечно плодородной, щедрой природы» [7, р. 20]; 2) статичность – общества уже достигли состояния совершенства, поэтому нет никакой необходимости в новизне или изменении; 3) приписывание всем людей неизменной природы, определенной универсальными, общепринятыми целями, которые были полностью реализованы

Берлин рисует следующую картину утопической мысли. Во-первых, большинство утопий обращаются к отдаленному прошлому, золотому веку. «Гомер писал о счастливых феаках..., о которых поется на островах блаженных. Гесиод рассказывал о золотом веке, за которым последовали худшие времена, нисходящие к тому времени, в котором он жил. Платон отмечал, что люди, в отдаленном и счастливом прошлом, были сферической формы, и затем разделились на две половины... Он также говорил о счастливой жизни в Атлантиде... Вергилий повествовал о времени Сатурна, в котором все вещи были хороши. В Старом Завете рассказывается о земном рае, в котором Адам и Ева были созданы Богом и вели счастливую и безмятежную жизнь – состояние, которое должно было сохраняться вечно, но вследствие первородного греха было утрачено». Во-вторых, были и те, кто верил, что золотой век грядет в будущем. К ним могут быть отнесены пророк Исайя, святой Павел, представлявшие мир, где не будет ни еврея, ни грека, ни мужчины, ни женщины, ни зависимых, ни свободных, «все люди будут равны и совершенны в сиянии Бога» [7, р. 21]. Утопический идеал принимал различные социальные и политические формы. К примеру, Платон, рисуя картину идеального государства, описывал наличие строгой унифицированной иерархии сословий: мудрецы, стражи, демос. Зенон Китийский писал об анархичном обществе, в котором все разумные существа живут в совершенном мире, равенстве и счастье. В целом, как справедливо замечал Берлин, в греческом мире существовало множество утопическом представлений, сформировавшихся в рамках кризиса полисной культуры. Бок о бок с сатирическими утопиями Аристофана существовало совершенное государство Феопомпа (около 377 – после 320 гг.), утопический социализм Эвгемера [7, р. 22].

Определенный упадок утопического мышления произошел в Средние века. Одним из причин подобного является христианские морально-этические установки, согласно которым человек не достигнет совершенства только своими собственными усилиями, а может быть спасен божественной милостью. В тоже время, можно говорить о наличии христианских утопий, доминантой мысли которых были следующие установки: первоначальное единство и совершенное состояние было

разрушено вследствие какого-то бедствия, будь то поедание запретного плода, Вавилонское столпотворение или Потоп. Следовательно, вся последующая история человечества представляет собой попытки соединить воедино разрозненные фрагменты в целях восстановления изначального состояния.

Одним из общих предположений большинства западных мыслителей, как отмечает Берлин, является высказывание что истинные ответы представляют собой сокрытое сокровище, а единственная проблема состоит в том, чтобы обнаружить к нему путь и создать общество истины, добродетели и счастья [7, р. 27] Подобная убежденность лежала в основе утопий, распространяющихся в рамках ренессансной мысли XV в., когда началось открытие греческой и римской классики, воплощавшей истину, утраченную в Средние века. Основным стало убеждение, что только знание, основанной на фундаментальном утверждении знания как добродетели, может спасти человека. Для Платона парадигма знания было геометрической, для Аристотеля – биологической; для различных мыслителей Ренессанса она могла быть неоплатонической, мистической, интуитивной, математической, механистической, органицистской, но «никто не сомневался, что знание подразумевает духовное, моральное и политическое спасение». Подобное знание подразумевало не просто дескриптивное знание того, что есть в мире, но и знание ценностей, т.е. того, как жить, что делать, какие формы жизни являются лучшими, а какие худшими [7, р. 28]. Концепция «знания – добродетели» подразумевает, что если известно, что хорошо для человека, невозможно, если человек является рациональным существом, жить и действовать в ином ключе. Это будет тем, к чему направлены все желания, надежды, молитвы, стремления, что является, по Берлину, платоническим предположением, иногда в его христианской форме, которое вдохновляло великие Утопии эпохи Ренессанса: Мора, Бэкона, Кампанеллу, христианские утопии XVII в. Тем самым, абсолютная вера в рациональные решения и распространение утопической мысли являлись характерными чертами сходных стадий культурного развития в классических Афинах, в эпоху Ренессанса, XVIII в. во Франции и последующих двух столетий [7, р. 29].

Мыслители от Бэкона до настоящего времени были вдохновлены определенностью, что где-то должно существовать общее решение, что в полноте времени, по воле ли Бога или в результате деятельности человека, царство иррациональности, несправедливости и невзгод закончится; человек может быть освобожден и больше не будет игрушкой сил, находящихся вне его контроля; «что эта весна в человеческих делах наступит, когда будут преодолены препятствия, естественные и человеческие, и тогда, наконец, люди перестанут сражаться друг с другом, объединят свои силы и будут сотрудничать, чтобы приспособить природу к своим потребностям или свои потребности к природе». Подобные убеждения являются общей основой для множества разновидностей революционного и реформистского оптимизма от Бэкона до Кондорсе, от коммунистических манифестов до современных технократов, коммунистов, анархистов [6, р. 212]. Знаменитые утописты Нового времени – от Томаса Мора и Мабли до Сен-Симона, Фурье, Оуэна и их последователей – изображали основные человеческие свойства статически, недооценивали природу человека, самопреобразующегося существа, умеющего свободно выбирать между соперничающими, несовместимыми целями в пределах, положенных ему природой и историей [1, с. 205].

Несмотря на то, что концепт утопии является несовместимым с интерпретацией человеческого мира как соперничества новых и конфликтующих волей, индивидуальной и коллективной, Г.В.Ф. Гегель, а за ним и К. Маркс, вернулись к подобной

исторической схеме. Для них обоих ход истории – единое восходящее движение человечества, от варварства к рациональной организации. Для утопических мыслителей этой традиции счастливое завершение – это достижение вневременной безмятежности, сияние статичного, бесконфликтного общества после того, как исчезнет государство и официальная власть. Подобные утопии содержат в себе определенную двойственность – с одной стороны, допущение неизбежности конфликта, но с другой стороны, убеждение, что это является временным этапом на пути к полной самореализации человечества [7, р. 44].

Тем самым, само понятие разрушенного единства и его восстановления выступают как связывающая нить всей западной мысли. Берлин предложил представить основные тезисы, на которых покоится западная цивилизация, в виде трехногого табурета: 1) на все подлинные вопросы может быть дан только один истинный ответ, все остальные ответы будут ложными. В случае если правильный ответ не может быть дан, то вопрос не является подлинным; 2) существует единственный истинный метод для обнаружения правильных ответов, осведомлен ли кто-либо о нем или нет – это другой вопрос, но он в принципе должен быть узнаваемым; 3) все истинные ответы должны быть, по крайней мере, сочетаемыми друг с другом. Это проистекает из простой логической взаимосвязи: ни одна истина не может быть несовместима с другой истиной. В идеале, все истинные ответы логически влекут за собой друг друга, образуя единое, систематическое, гармоническое, взаимосвязанное целое. Когда будут обнаружены все истинные ответы на все центральные вопросы человеческой жизни, то в результате образуется, своего рода, схема общего знаний, необходимого для достижения совершенной жизни [7, р. 25]. Именно на этой монистической основе и базируются западноевропейские утопии, в центре которой лежит следующее утверждение: «Если мы не можем представить себе что-то совершенное, мы не сможем понять, что подразумевает несовершенством. Если, скажем, мы жалуемся на свое положение здесь, на земле, указывая на конфликты, страдания, жестокость, пороки... если мы заявляем, что наше состояние не является совершенным, это можно понять только в сравнении с более совершенным миром... Анализируя разрыв между ними, мы можем понять, насколько наш мир отстает... Идея отсутствия чего-то и является идеей утопического состояния» [7, р. 26].

Берлин подчеркивал, что сама по себе вера в возможность осуществления высшей гармонии ошибочна, и выстраивал свою аргументацию, обращаясь к философскому наследию Н. Макиавелли, Дж. Вико, И. Гердера, А.И. Герцена, утверждая несовместимость и несоизмеримость ценностей, а также их объективный характер, указывая на наличие взаимоисключающих выборов. Первый серьезный удар по утопическим воззрениям был нанесен Макиавелли, который высказывал сомнения относительно возможности объединения христианского взгляда на жизнь, основанного на самопожертвовании и смирении, с возможностью построения и поддержания могущественной и славной республики, требующей от граждан не смирения, а таких добродетелей как храбрость, жизненная сила, самоутверждение, и, в случае правителей, способности к безжалостным, беспринципным и жестоким действиям. [7, р. 31].

Вторую угрозу утопическим воззрениям несло возникновение новых национальных государств (частично как результат Реформации XVI в.). Данный процесс привел к тому, что некоторые из юристов, по большей части, реформаторы или оппозиция власти Римской католической церкви, стали утверждать, что римский закон, с его требованиями универсального авторитета, ничего для них не представлял: они были франками, кельтами, норманнами; у них были свои традиции. «Различные нации, различные корни, различные законы, различные люди, различные сообщества,

различные идеалы. У каждого был собственный стиль жизни». Все это разрушило идеи наличия универсального закона и универсальных целей для всех людей. Совершенное общество, которое франкские воины и их потомки, рассматривали как свой идеал, было очень отличным от утопического видения итальянцев, и полностью отличным от шведов, турков или индийцев [7, р. 33].

Еще один удар по утопической традиции нанесли воззрения Гердера, первого, кто возвысил культурное самосознание до общего принципа. Он сосредоточился на идее культурных различий и сущности культуры, представляя картину исторического развития, существенным образом отличающуюся от монистических представлений. Стоя на позициях культурного плюрализма, он утверждал, что каждая нация обладает своими традициями, характером, собственным лицом, а подлинным счастьем является развитие собственных национальных потребностей, уникального характера. Следовательно, каждая культура обладает определенными атрибутами, которые следует истолковывать сами по себе, понимать так же, как люди понимают друг друга. Культурные границы являются естественным для людей, проистекающие от их внутренней сущности, окружающей среды и исторического опыта. Хотя существует множество общего, основополагающим, по Гердеру, являются то, что делает индивидуализацию возможным, т.е. те черты, которые не являются общеразделяемыми – то, что делает немцев немцами, «каким образом они едят и пьют, вершат правосудие, пишут поэзию, поклоняются богу, распоряжаются собственностью... все это имеет определенный общий характер, качественное свойство, образец, который является исключительно немецким, отличающимся от деятельности китайцев или португальцев». Но ни одна из культур не превосходит другую, они различаются, их цели различны, поскольку они проистекают от их специфического характера и ценностей [7, р. 38–39].

Немецкий романтизм также оказал значительное влияние на критическое рассмотрение утопической мысли [4]. В отличие от предшествующей традиции, в центре романтического движения находилось прославление множественности, разнообразия, как в искусстве, так и в философской мысли: понятия вечных моделей, платонического видения идеала прекрасного, было замещено верой в духовную свободу, личное творчество [8, р. 57–58]. Именно романтизм навсегда поколебал веру в универсальную, объективную истину в вопросах поведения, в возможность создания совершенного и гармоничного общества, полностью свободного от конфликтов, несправедливости или угнетения – цель, ради которой никакая жертва не может быть слишком велика, если люди действительно хотят создать «правление правды, счастья и добродетели, связанных неразрывной цепью – идеал, ради которого большая часть людей и в XX в. приносят в жертву себя и других» [6, р. 237].

Стало быть, концепт общего блага, значимого для всего человечества, покоится на значительной ошибке: представлении о том, что где-то «существует кристально чистая сфера, не подверженная мировым изменениям, в которой математические истины и моральные, эстетические ценности формируют совершенную гармонию» [7, р. 43]. Во-первых, идеальное общество не может быть достигнуто не потому, что люди недостаточно мудры, искусны, добродетельны или запятнаны первородным грехом, сама идея единственного, совершенного общества всего человечества будет являться внутренне самопротиворечивой, поскольку Вальхалла германцев отличается от идеального будущего французов, рай для мусульман не то, что для евреев или христиан. «Но если мы хотим иметь столько типов совершенства, сколько существует типов культуры, каждый со своим идеальным сочетанием добродетелей, само понятие возможности единого совершенного общества логически бессвязно» [7, р. 40]. Во-

вторых, если некоторые цели будут признаны как полностью человеческие и в тоже время конечными и взаимно несовместимыми, то идея золотого века, совершенного общества, собранная посредством синтеза всех правильных решений для всех центральных проблем человеческой жизни, как представляется, непоследовательна в принципе. Определенным протестом утопиям являются антиутопии (Хаксли, Оруэлл, Замятин), которые изображают ужасающую картину общества без сопротивлений, в котором устранены различия между, а все разнообразие человеческих темпераментов, склонностей и идеалов «сведены к единообразию, втиснуты в социальную и политическую смиренную рубашку, которая ранит и калечит и заканчивается сокрушением людей во имя монистической теории, мечты об идеальном, статическом порядке» [7, р. 45]. Само понятие совершенного общества и идеального состояния, согласно Берлину, стоящего на позициях ценностного плюрализма, не только неосуществимо, но и непоследовательно, поскольку человеческие ценности не могут не противоречить друг другу. Если кто-то действительно верит, что достижение подобного совершенного состояния возможно, то тогда никакая цена не будет слишком высока для его получения: «Чтобы сделать такой омлет, конечно, нет предела количеству яиц, которые нужно разбить – таковы убеждения Ленина, Троцкого, Мао, Пол Пота...сотни тысяч должны погибнуть, чтобы навсегда сделать счастливыми миллионы. Какой выбор есть, кроме как быть готовыми пожертвовать ими всеми?» [9, р. 15]. Поскольку кому-либо известен единственно верный путь к окончательному решению проблемы общества (Берлин использует данную формулировку, несмотря на смыслы, которое приобрело данное высказывание после Гитлера), то известно, и по какому пути следует вести людей, следовательно, ни о какой свободе выбора – одной из главных ценностей для Берлина, – не может идти речи.

Итак, монистический образ мышления, видится Берлину следующим – это вера в универсальную объективную истину в вопросах поведения, в возможность создания совершенного и гармоничного общества, полностью свободного от конфликтов и несправедливости или угнетения. Убежденность в существовании истин, универсальных для всех людей во все времена и повсеместно, выражена в универсальных законах, естественном законе стоиков и средневековой церкви, юристов эпохи Ренессанса, неповиновение которым ведет к злу, несчастью, хаосу. Все утопии, базируются на потенциальной обнаруживаемости и гармонии объективных целей и законов, истинных для всех людей, во все времена. Средства достижения этих целей могут варьироваться от страны к стране, от эпохи к эпохе, но цели, остаются неизменными; об этом явно свидетельствует высокая степень сходства социальных утопий древности и современности. Критикую утопическую мысль с позицией ценностного плюрализма, сводимого к признанию множественных человеческих ценностей и целей, их объективного характера и несоизмеримости друг с другом, а также конфликту как основному способу реализации их взаимоотношений, Берлин указывал на ошибочность самого конфликта общего блага, свойственного для всего человечества.

Библиографический список

1. Берлин И. Джамбаттиста Вико и история культуры // Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 187–205.
2. Берлин И. Политические идеи в двадцатом веке // Четыре эссе о свободе [Электронный ресурс]. URL: literatura.com/pdf/berlin_chetyre_esse_o_svobode_1992__ocr.pdf (дата обращения:

- 21.01.2022).
3. Паньковский А. Агональный либерализм Исайи Берлина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/39/11.pdf> (дата обращения: 07.10.2020).
 4. Потамская В.П. И. Берлин о романтизме как направлении европейской мысли // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2022. № 1 (59). С. 188–199.
 5. Утопия и антиутопия [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHc26f42a76526f3c43ca4c2> (дата обращения: 23.03.2022).
 6. Berlin I. Apotheosis of the Romantic Will: the Revolt against the Myth of an Ideal World // The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas. N.-Y.: Vintage, 1992. P. 207–237.
 7. Berlin I. Decline of Utopian Ideas in the West // The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas. N.-Y.: Vintage, 1992. P. 20–48.
 8. Berlin I. Giambattista Vico and Cultural History // The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas. N.-Y.: Vintage, 1992. P. 49–69.
 9. Berlin I. Pursuit of the Ideal // The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas. N.-Y.: Vintage, 1992. P. 1–19.
 10. Gray J. Isaiah Berlin. Princeton: Princeton University Press, 1997. 183 p.

THE PROBLEM OF UTOPIA IN I. BERLIN'S WRITINGS

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

Abstract. *In the context of discussing the monism inherent in Western philosophy, Berlin turned to the utopian ideal, which took various social and political forms. He noted that all the utopias that compose the Western philosophical heritage share similar elements: the idea of an ideal harmonious static society, attributing to all people an unchanging nature, determined by universal, generally accepted goals that have been fully realized. One of the common assumptions of most Western thinkers, as Berlin points out, is that the true answers are the hidden treasure, and the only problem is to find the way to it and create a society of truth, virtue and happiness. Berlin emphasized that the belief in the possibility of realizing the highest harmony is erroneous, and the concept of a perfect society and an ideal state is not only unrealizable, but also inconsistent, as human values cannot but contradict each other.*

Key words: *history, intellectual history, utopia, monism, pluralism*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна — кандидат философских наук, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь, SPIN-код: 3657-9312, e-mail: potamskaya.v@yandex.ru.

About the author:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna - candidate of philosophical sciences, associate professor of the department of media technologies and public relations of the Tver State Technical University, Tver, SPIN-code: 3657-9312, e-mail: potamskaya.v@yandex.ru